

**БОЛЬШИЕ ТАЙНЫ
МАЛЕНЬКИХ
ГОРЮДОВ**

ТАТЬЯНА **СТЕПАНОВА**

ПРЕДСКАЗАНИЕ-end

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Оформление серии *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 Предсказание — End : [роман] / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Большие тайны маленьких городов).

ISBN 978-5-04-106080-0

Нет, не идиллическая тишина царит над этим провинциальным городком. Скорее загишь перед бурей. Тихо в домах, замер пустынный парк, в котором некогда маньяк растерзал девушку, а единственного свидетеля вскоре нашли повешенным на карусели. Тогда это дело сошло на нет, но все знают, кто преступник. И вот он вернулся... Прежние друзья не хотят его видеть, жители шарахаются от него. В первую же ночь жестоко убита девушка, потом еще одна... Волна ужаса катится по улицам, круша все на своем пути. Зловещий свет ночного пожара внезапно освещает истину. Истину, которая покруче самых страшных замыслов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т.Ю., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-106080-0

Если все вокруг верят во что-то, быть может, кажущееся пустым суеверием, то рано или поздно и у вас все равно возникнет искушение поверить в то, что все вокруг считают реальным.

*Майкл Крайтон.
«Пожиратели мертвых»*

Поцелуй же меня, Рафаэло!
Сериял «Голос сердца»

ГЛАВА 1

В ТЕМНОТЕ

По темной дороге, скупо освещенной редкими фонарями, ехала автомашина. В ней сидели трое — водитель и два пассажира.

— В общем и целом, дело теперь ясное, Илья Ильич, — сказал один пассажир другому. — Завтра с утра допрошу всех троих, предъявлю рабочее обвинение и — потом в суд за санкцией на арест.

— Сначала всех троих ко мне, Витек, — в голосе того, кого звали Ильей Ильичом, сквозила усталость и вместе с тем самодовольство. — Вместе с конвоем. Я до обеда на месте, так что вполне успеешь.

Тот, кого звали просто Витьком, с готовностью кивнул — он был «просто» следователем прокуратуры. А Илья Ильич Костоглазов — городским прокурором и его непосредственным начальством.

В поздний ночной час на прокурорской машине они возвращались из соседнего Успенского в ставший с некоторых пор для обоих родным и привычным Тихий Городок.

Именно так и звался испокон века этот город на берегу водохранилища. Тихий Городок.

Очень тихий, слишком, чересчур даже тихий городок...

Пелена облаков на темном небе. Ни луны, ни звезд.

Стена леса.

Вой собаки — за околицей деревни, неразличимой в ночи...

Эхо этого воя...

— Тьма-то какая вокруг, — поежившись, вздохнул водитель. — Воет, воет, проклятушая, кого хоронит, тварь? И вот сколько живу я тут, почти что полвека уже, а все тут у нас на дорогах темень, хоть глаз выколи. А дорога-то какая, а? А ведь почти что федеральная трасса. Иностранцев каждый день пачками на автобусах на экскурсию возят красоты наши смотреть. А как солнце зайдет, блин, не видно ни зги. А осенью — вечерами, зимой? Сушная Тьмутаракань. И никому годами дела до этого нет. Вот мэра нового избрали, Шубина, надеемся, может, хоть он нам фонарей от щедрот своих повесит.

Радио в машине, несмотря на глухой час, совершенно бодрым утренним голосом диктора вещало о «росте инвестиций» и о «приоритетных направлениях повышения рождаемости в рамках нового нацпроекта».

— Детей делать — милое ж дело, — хмыкнул водитель. — Кайф ведь сплошной один. Причем обоюдный, не так, что ль? И поди ж ты — не хотят. Даром не желают. Деньги им подавай. Ну один сплошной чистоган везде, куда ни кинь. Даже в койке семейной!

— Проблемы рождаемости актуальны для многих европейских стран. А что насчет дорог, здесь, я помню, всегда они были неважные, кривые были дороги. — Прокурор Костоглазов никогда не оставлял без ответа сентенций своего водителя. Устами шофера, по его мнению, говорил сам народ, глубинка. А народ, глубинку всякой власти, в том числе и стоящей на страже закона, стоит послушать. Так, для общего развития, для

информации, в смысле внутренней и внешней внутригородской, внутрирайонной политики.

— Дороги-то да, а вот таких преступлений никогда прежде не водилось, — водитель покачал головой. — Чтоб так вот среди ночи открыто приезжали на машинах, в дом вламывались, людей резали — этого нет, не было никогда, сколько живу.

— Это у них четвертый эпизод. Раньше как-то без крови обходились. Ну, налет и налет, связали хозяев, золотишко, деньги выгребли, но все же как-то удерживались от мокрухи, — охотно подхватил следователь. — А на этот раз не удержались. То ли нервы сдали, то ли побоялись, что их хозяева опознать смогут. И вот, пожалуйста — двойное убийство в ходе разбойного нападения. И хозяйку, и ее сынка — обоих положили. А я ведь сына-то знал. Точнее, не знал, а помню. Он в футбол здорово играл, молодежная команда вообще у нас сильная. А теперь вот нате — убили парня за пару золотых колец, за телевизор да за пачку «зеленых».

Следователь говорил об обстоятельствах дела, по которому они сутки безвылазно сидели в соседнем с Тихим Городком Успенском. Убийство в ходе разбойного нападения. Мертвых хозяев частного дома — мать и сына — нашли соседи. Милиция по следам ночного ограбления ввела план «Вулкан», и в ходе поиска трое подозреваемых были обнаружены в пустующем ангаре старого кирпичного завода. Ангар окружили, вызвали из областного центра подкрепление и ОМОН. Предложили подозреваемым сдаться. Те отказались и ответили выстрелами. На троих у них оказался обрез охотничьего ружья и спортивный пистолет, переделанный для боевой стрельбы.

В итоге задержание затянулось. Прокурор Илья Ильич Костоглазов, лично руководивший операцией совместно с милицейским начальством, трижды брался за мегафон, уговаривал подозреваемых сложить

оружие и прекратить бессмысленное сопротивление. Не уговорил.

А потом ОМОН пошел на штурм ангара. Вся операция заняла не более пяти минут. Слава богу, никто не пострадал, бандитов скрутили. Обыскали, тут же обнаружив вещи, похищенные с места убийства.

В общем, это было вполне рядовое, будничное дело, каких в практике прокурорской десятки и сотни, — убийство с целью ограбления, убийство по корыстным мотивам.

Прокурор Костоглазов вспомнил место происшествия — залитую солнцем и кровью террасу дома. Солнце било в чисто вымытые стекла, слепило глаза. А кровь была везде — под ногами на досках пола, на бревенчатых стенах. Даже на потолке — и туда долетели брызги. И на выцветшем шелке оранжевого абажура распустился кровавый цветок. Бандиты первым в упор застрелили из обрезка сына. Он лежал на террасе — две пули попали ему в голову, разворотив полчерепа. Мать его пыталась скрыться, спрятаться. Они дважды ранили ее — в живот и в спину. Потому-то и было столько крови по всему дому. А потом — тоже в упор, уже обессиленную, добила выстрелом в лицо.

Ба-бах!!! И только эхо отзывается в домах...

Неужели никто из соседей окрестных домов не слышал эха этой ночной бойни? Да наверняка слышали. И никто не прибежал на помощь с подручными средствами — с вилами и топорами, как в старину. А раньше-то бегали, чуть что — били на набат на высоких колокольнях монастырей, поднимая и весь Тихий Городок, и все окрестные посады и села. А теперь не бегут. Запирают крепче двери в домах. Погромче включают телевизор. Прокурор Костоглазов брезгливо поморщился. Какие же все-таки люди... А что же раньше-то, другие были? Наверное, другие. Иные. Впрочем, как выяснилось из подомового обхода и опроса свидетелей, затеянного милицией, покойных мать

и сына особо не жаловали и не любили в Успенском. А почему? Да, кажется, только по одной-единственной причине, что они сумели как-то встать на ноги, выбиться из общей удручающей деревенской нищеты, взяв в банке кредит, приобрели сначала одну, потом еще две продуктовые палатки, отремонтировали, отстроили дом, воздвигли высокий забор, отгораживаясь от соседей, купили подержанную иномарку.

Но вот забор не уберег. И набат не ударил. И соседи не прибежали на помощь. «Они — Надька-то с сыном — гордые стали, как забогатели, раскрутились, такие, страсть, гордые. А как за границу отдохнуть съездили в этот самый свой Кипр, так и вообще. Словно они — пуп земли, а мы-то для них — так, грязь под ногами, — жаловалась одна из опрашиваемых соседок. — Но вот и догордились. Бог-то — он шельму метит...»

Ба-бах! И только эхо...

Неужели это и есть Промысел Божий? Илья Ильич Костоглазов был не силен в этом вопросе. Об этом — о Промысле — лучше бы спросить друга его юности Ивана Самолетова, разом вдруг ударившегося в православие. Но свое дело, свою работу прокурор знал хорошо.

— Хорошо...

— Что хорошо, Витек?

— Да хорошо, Илья Ильич, что взяли их, этих сукиных сынов. — Следователь покачал головой, глядя в темное окно машины. — А то бы наделали они еще дел тут у нас. Кровь — она такая, ее только раз пусти, потом уж и не остановишься. Захочешь, а не сможешь. И так на них уже четыре эпизода с налетом, а было бы еще, да еще трупы. А сколько у нас сейчас домов-то таких понастроено в округе, которые их привлекали? Коттеджей, дач? Полно. Вот бы и влямывались к тем, кто сопротивление не окажет. Вот, например, ваша жена Марина Андреевна...

— При чем тут Марина Андреевна? — подозрительно спросил Илья Ильич.

— Ну как же, вы сутками на работе, а она одна в доме. И собаки у вас нет сторожевой. Одна с мальчиком.

— Наш сын в лагере в Венгрии, английский язык изучает.

— Тем более одна. Да еще в такой-то темноте...

Илья Ильич вздернул подбородок. Лицо его стало замкнутым, по нему гримасой промелькнуло раздражение. Какое, к черту, дело этому мудаку до его жены? Или он что-то знает? Может, в Тихом Городке об их с женой отношениях уже циркулируют пошлые слухи?

— Хуже нет по нынешним временам, когда женщина целый день одна в пустом доме, — поддакнул и водитель. — Не ровен час...

За окном машины мелькнули огни. Прокурор вздрогнул — слишком уж неожиданно, ярко. Точно вражеский прожектор полоснул по глазам. А там, откуда он едет, в Успенском, произошло пусть и тяжкое, но все же вполне обычное преступление. Банальнейший разбой с убийством. И это, слава богу, не имеет никакого отношения к тому, что с некоторых пор происходит в родном для него Тихом Городке.

Эти слухи... Эти чертовы слухи... Множащиеся, как гниды какие-то, совершенно первобытные допотопные суеверия, место которым скорей на страницах медицинских карт психдиспансера, а не в умах взрослых нормальных людей. Мрачные сказки, пересказываемые из уст в уста, от семьи к семье, от дома к дому, — извращенная реальность, обернувшаяся сущим кошмаром. Хорошо еще, что этот разбой с двойным убийством произошел в Успенском, а то и его бы тут же записали в архив этой всеобщей паранойи, которой вот уже сколько лет, как вирусом, заражен город. И поделаться с этим, кажется, ничего невозможно. Да, он прокурор, и он знает свою работу. Но эти слухи,

все эти суеверные бредни — они настолько вне рамок правовой системы и...

А собака-то все воет и воет. И как такое возможно? Ведь они уже давно проехали ту деревню, ту околицу. А вой все слышен. Что ж это их тут, в этой тьме, целая стая? Или это ветер воет, свистит? За окном в ночи вновь мелькнули огни. Нет, это огни не его дома. До его дома еще ехать и ехать, плыть и плыть, лететь и лететь...

Но летают только во сне, а он не спал. Возвращался с работы — с места происшествия, с задержания опасных вооруженных преступников, полный азарта, удовлетворения и смешанного чувства превосходства и брезгливости. Да, да — именно брезгливости. И к тем кровавым лужам на дощатом полу на месте убийства, и к вывороченному хаосу разграбленного чужого дома, к тем самым трусам-соседям, не пришедшим на помощь, и к местной милиции — по-деревенски настырной, но ужасно бестолковой, провинциальной. И к тем суеверным бредням, которые на этот раз, к счастью, так и не получают новой пищи для городских пересудов, круто замешенных на страхе и невысказанном тупом подозрении.

Ах ты, черт, то ли дело в Москве, когда он еще был в штате отдела Генеральной прокуратуры...

Оттуда — из Москвы — все происходящее в Тихом Городке, да и сам он кажутся сплошным миражом.

Огни вспыхнули и погасли, затопив темнотой.

А в Тихом Городке за несколько километров отсюда в доме прокурора все окна были темны. Дом был новый, недавно построенный, из силикатного кирпича, просторный, но относительно небольшой — два этажа и рядом гараж-пристройка. Наверху, в мансарде, располагалась спальня. Почти всю ее занимала широкая супружеская кровать немного неуклюжего вида — производства одной из местных мебельных фаб-

рик. Окно по случаю летнего вечера было приоткрыто. Синяя шелковая штора чуть колыхалась от ветра.

Рядом с кроватью на коврике валялись газеты — «Аргументы и факты», «Известия» и старый журнал «Караван историй». И ночник давно был потушен. Сбив, скомкав простыню к ногам, на краю кровати лежала женщина в розовой ночной рубашке. Темные густые волосы рассыпались по подушке. Когда-то, ах как это было давно — еще в Москве — и вроде бы совсем недавно, эти темные душистые волосы сводили Илью Ильича Костоглазова с ума, заставляя даже забывать о работе, о командировках на периферию и о внеплановых прокурорских проверках. Сводило с ума и само имя — Марина, что значит Морская, ускользающая, бегущая по волнам.

Марина Андреевна — жена прокурора — была одна в своей спальне, в своей постели в эту душную летнюю ночь. В то самое время, когда муж ее мчался по разбитой, плохо освещенной дороге с очередного места происшествия, она...

Ей мнилось, что она не спала. Вернее — что только что, мгновение назад, проснулась по какой-то непонятной пугающей причине.

От странного звука.

Что это было? Шорох? Стук ветки в окно от порыва ветра? Легкое царапанье по стеклу снаружи, словно кто-то вслепую ощупывал стеклянную преграду стекла, пробуя ее на прочность? Эхо далекого собачьего, волчьего воя — один зверь позвал, другой ответил: доброй охоты!

В спальне из-за задернутой шторы было совсем темно. Но казалось, что в этой кромешной темноте все предметы отбрасывают еще более густые, чем сама темнота, тени. Марина Андреевна, чувствуя в сердце необъяснимую тревогу, лежала на кровати, вжавшись в матрац. Тень от платяного шкафа, тень от туалетного комодика с зеркалом. Тень от окна. Но разве окно

может отбрасывать тень? И почему так страшно? Господи, отчего же так страшно ей здесь?

Вой — тоскливый и грозный, переходящий в гор-
танный клокочущий рык.

Доброй охоты! Спокойной ночи, *надаль!* Если до-
живешь...

Черный сгусток отделился от ночной темноты и
застыл на мгновение. А потом двинулся от окна через
комнату к кровати.

Марина Андреевна хотела закричать и не смогла.
Хотела вскочить и не сумела пошевелиться. Она уви-
дела — ясно и совершенно отчетливо — круг, который
до этого видела не раз и не два. Круг, очерченный бел-
лым маркером на черном ватмане. Этот круг, медлен-
но вращаясь, плыл по воздуху, словно медуза. На пол
с него стекали, соскальзывали белые капли, похожие
на слизь. Но нет, это были не капли, а начерченные
мелом буквы — АБВГДЧЩ... Словно перепутанная,
перемешанная азбука, чертова азбука. Черный круг,
словно парашют, накрывал собой все: комнату, по-
стель, ее саму, обездвиженную и безгласную, словно
парашют. Словно чьи-то огромные траурные крылья.

Ей показалось, что вот еще мгновение — и она за-
дохнется, лишенная воздуха в их складках: темнота
была осязаемой. Как вязкий клей, как тягучая черная
плоть она заливала собой воздух, лишая летнюю ночь
кислорода. А перед глазами, как сумасшедший вол-
чок, вертелось, кружилось, вращалось, вращалось,
вращалось белое блюдце. Такое до боли знакомое — с
золотой каймой.

И вот, как будто завод кончился, блюдце разом ос-
тановило свое вращение и грохнулось вниз. Осколки,
острые, как бритва, разлетелись по комнате. Черное
удушье отступило. Жадно дыша, хватая ртом воздух,
Марина Андреевна рванулась с подушек и увидела...

Нет, она не могла *это* видеть в своем доме.

Тяжелые складки черной мантии. А может, кры-

ля, отливающие вороненой сталью. Нет, кожистая перепонка, вся в шрамах и трещинах. Огромные когтистые лапы — лапы ящера — и туловище гигантской птицы. Крылья, пугающие своей чернотой и бронированной тяжестью и одновременно мягкие, невесомые, как шелк. И — профиль на фоне темного зашторенного окна. Глаза, сверкающие в ночи темным нездешним огнем. Обжигающим сердце. Но это лишь на миг, на короткое мгновение: человеческие черты, призрачное, сказочно прекрасное их подобие. А потом...

Она увидела — она увидела ясно и отчетливо: могучие лапы с кривыми острыми когтями крепко и жадно держали добычу — голое окровавленное тело, истерзанное, изуродованное до неузнаваемости. Прядь волос, рот, перекошенный в отчаянном немом крике ужаса и муки. Когти вонзились глубже, словно выжимая, выдавливая из вен и артерий последнюю кровь. Призрачный профиль склонился. Тень от длинных прекрасных ресниц на щеке. Тень улыбки...

И внезапно все черты смешались, слились, смялись, оскалились, ощерились, и человеческое подобие — тень этого подобия — исчезло. Гигантский клюв, словно тесак, вонзился в добычу, раздирая живую плоть. Отрывая окровавленные куски мяса, дымящиеся сизые внутренности. Марина Андреевна слышала хруст ломаемых костей и дикий вопль боли. Смертный вопль. Черные крылья вздыбились, как гора, клюв разверзся — это был уже не клюв птицы, а пасть хищника. Чудовище, словно капкан, сомкнуло клыки на горле добычи. Марина Андреевна видела, как дергаются руки и ноги жертвы в последней агонии.

Она отпрянула назад, упала с кровати и...

Ей показалось, что она падает целую вечность, вращаясь и переворачиваясь в пустоте, в темноте, как то фарфоровое белое блюдце. Поганое блюдце с золотой каймой.

Удар оглушил ее. И она открыла глаза. Ночь. Тьма.

Стук крови в висках. Она в своей собственной спальне. В супружеской постели.

И странный звук — шум, шорох. Тот самый?! Внутри, в доме? Нет, нет, кажется, снаружи...

Внизу у входной двери кто-то возился с замками. Потом начал громко стучать.

Марина Андреевна медленно села на кровати. «Аргументы и факты», «Известия» — тут на полу на ковре. Осколки блюда — их не видно. Брызги крови, следы ужасных когтей — ничего этого тоже нет.

Значит, все это ей приснилось? Это был только сон. Ну, конечно же... боже...

Свет фар остановившейся у калитки машины. Мужские голоса.

— Езжайте, спокойной ночи. Жена сейчас мне открывает, наверное, заснула, не слышит, — голос ее мужа Ильи Ильича.

— Ничего-ничего, мы подождем, посветим вам, — в ответ голос кого-то из его сотрудников.

Марина Андреевна накинула халат и пошла вниз — открывать. Ложась спать, она заперлась изнутри на задвижку.

Зажгла внизу свет, открыла дверь. Увидела мужа. Серый костюм. Хмурый взгляд. Раздраженное, брюзгливое выражение и усталость на лице.

— Что, звонок так и не работает до сих пор? Мастера вызвать так и не удосужилась? — стараясь, чтобы его не услышали на улице в машине, сквозь зубы вместо «доброй вечер» процедил Илья Ильич. Выглянул из двери, бодро помахал на прощание: — Езжайте, все нормально! — Войдя, швырнул на ящик для обуви кожаную папку с бумагами, ослабил узел галстука, снял пиджак.

— Мастера так и не вызвала, — повторил он.

— Я звонила, он обещал прийти завтра.

— А звонок не работает сегодня, я полночи в дверь барабаню, домой попасть не могу. — Илья Ильич ог-